

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-266-286

**Дорога «от кабака к Храму» и «от облизполкома к кабаку»  
в рассказе В. М. Шукшина «Мастер»**

**Владимир Кириллович Васильев**

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

v-v-kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4735-4648>

*Аннотация*

Рассмотрены основные различия трех изданных при жизни Шукшина версий рассказа «Мастер», его оксюморонная поэтика, а также другие приемы авторской «шифровки» антисоветских смыслов. Показана несостоятельность утвердившейся в шукшиноведении концепции «искренного принятия» писателем советской власти. Герою рассказа, «запойному» Семке Рысю, не удается пройти дорогу к храму, реставрировать талицкую церковь, именно представители советской власти разворачивают его обратно, на дорогу, ведущую к кабаку / ларьку с водкой. В «Мастере» Шукшин выходит за рамки деревенской тематики, вводит новые адреса, указывающие на власть, уничтожающую национальные святыни, – это облизполкомы и Москва.

*Ключевые слова*

авторский шифр, проблемы шукшиноведения, антисоветский текст Василия Шукшина

*Для цитирования*

Васильев В. К. Дорога «от кабака к Храму» и «от облизполкома к кабаку» в рассказе В. М. Шукшина «Мастер» // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 266–286. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-266-286

© Васильев В. К., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 266–286

Critique and Semiotics, 2024, no. 1, pp. 266–286

## **The Path “from Tavern to the Temple” and “from the Regional Executive Committee to the Tavern” in the Story of V. M. Shukshin “The Master”**

**Vladimir K. Vasiliev**

Siberian Federal University  
Krasnoyarsk, Russian Federation

v-v-kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-4735-4648>

### *Abstract*

During Shukshin’s lifetime, the story “The Master” was published in three different versions. Their main differences, the oxymoronic (built on contradictions) poetics of the story, as well as other methods of the author’s “cipherying” of criminal, anti-Soviet meanings are considered. It turns out that the semantics of one text fragment contradicts the semantics of another, the plot solution as a whole sharply diverges with some significant statements of the hero. Analytics convinces that the main task set by Shukshin was to point out the real destroyers of national shrines, Orthodox Temples. Insolvency of the concept of “sincere acceptance” of Soviet power that has been established in Shukshin’s context is shown. The hero of the story, the “drunken” Semka Rys, fails to walk the “road to the temple” and restore the Talitsky church, it is Soviet government members who turn him back onto the road leading to the taverna/vodka stall. Beyond the logic of the structure of the story is the interpretation of the image of Semka Rys, existing in Shukshin’s studies, as a possible destroyer of the temple, a double of the agricultural foreman Nikolai Shurygin. In the “Master” Shukshin goes beyond the village theme (it is represented by a description of the actions of the heroes who destroyed the church in the novel “Lubavins”, in the stories “Glow Rain” and “Strong Man”) and names new addresses indicating the authorities waging war against their people – these are regional executive committees and Moscow.

### *Keywords*

author’s code, problems of Shukshin’s studies, anti-Soviet text by Vasily Shukshin

### *For citation*

Vasiliev V. K. The Path “from Tavern to the Temple” and “from the Regional Executive Committee to the Tavern” in the Story of V. M. Shukshin “The Master”. *Critique and Semiotics*, 2024, no. 1, pp. 266–286. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-266-286

Читатель, желающий получить хронологические сведения о рассказе Шукшина «Мастер», без труда найдет справку: «Написан в 1969 году. Впервые опубликован в журнале “Литературный Киргизстан” (1971, № 4), затем в “Сибирских огнях” (1971, № 12). Вошел в книги В. М. Шукшина “Характеры” (1973)<sup>1</sup>, “Беседы при ясной луне” (1974), “Избранные произведения” (1975) и “Брат мой” (1975)» [Аннинский, Федосеева-Шукшина, 1992, с. 554]. Данная справка нуждается в одном немаловажном уточнении. В прижизненных изданиях Шукшина опубликованы *существенно различающиеся версии* названного рассказа. Последнее прижизненное издание – сборник «Беседы при ясной луне», в нем напечатана версия «Мастера», соответствующая публикации в СО. В данной статье не ставится задача текстологического анализа вариантов рассказа. Текстология произведений – насущная задача изучения творчества Шукшина. Полагаю, что ее решение приведет к некоторым интересным выводам. Надеюсь, что они будут связаны и с «расшифровкой» криминальных, антисоветских, смыслов (поздних) текстов писателя<sup>2</sup>. Я бы хотел обратить внимание преимущественно на эту сторону проблемы. Что же касается уточнения, то очевидно заключается в том, что рассказ «Мастер» был написан в 1969–1973 гг. И *конечный, наиболее криминальный его вариант*, по завершении работы автор разместил в сборнике «Характеры» [Шукшин, 1973б, с. 41–55]<sup>3</sup>. Полагаю, что это весомый аргумент в пользу того, чтобы именно его признать основным и включать в современные переиздания сочинений писателя<sup>4</sup>.

Рассказ «Мастер» знаменателен тем, что *повлиял и продолжает влиять на очень важные аспекты истолкования творчества Шукшина: на интерпретацию его взглядов по отношению к вере, Церкви и ее служителям, а заодно – к советской власти*. Практика убеждает, что даже если оставаться в границах поэтики рассказа, то разобраться в указанных вопросах можно только в контексте анализа трех основных его версий и тех разно-

<sup>1</sup> Далее версии «Литературного Киргизстана», «Сибирских огней» и сборника «Характеры» будут обозначены как ЛК, СО и Х.

<sup>2</sup> Приемы шифрования писателем своих текстов и зашифрованные смыслы рассмотрены мною в статьях: [Васильев, 2020; 2023]. Необходимо ознакомиться с этими работами для понимания настоящей статьи.

<sup>3</sup> Ссылки на данную версию будут даны в круглых скобках.

<sup>4</sup> Например, в восьми- и девятитомном собраниях сочинений Шукшина (Барнаул, 2009 и 2014) рассказ «Мастер» опубликован в наиболее «нейтральном» варианте сборника «Беседы при ясной луне».

чтений, что в них имеются<sup>5</sup>. Художественную систему «Мастера» я бы определил как оксюморонную: *семантика одного текстуального фрагмента противоречит семантике другого, сюжетное решение в целом резко расходится с некоторыми существенными высказываниями героя*. Кроме того, автор задает вопросы, которые *иначе, как мнимыми, не назовешь*. Ответы на них или очевидны по умолчанию, или даны прямо в тексте. Семантику рассказа также раскрывают сцепления – по принципу сходства-дополнения или противопоставления – с другими, ранее написанными или пишущимися параллельно произведениями. Повествование о Семке с очевидностью выступает в качестве *сюжетного контрапункта* к кошуновским деяниям Яши Горячего (первая книга романа «Любовины», 1965), Ефима Бедарева (рассказ «Заревой дождь», 1966), Николая Шурыгина и эпизодического Васьки Духанина (рассказ «Крепкий мужик», 1969). Все эти герои (главные, второстепенные, эпизодические), в отличие от Семки, – разрушители Храма.

Важно понять, что же хотел сказать автор, конструируя настолько сложное высказывание. Всё-таки «Мастер» – *это конечный текст в разработке волнующей его темы, волею судеб – ее исход*. Не стоит забывать, что творить писателю приходилось в условиях, когда прямой разговор о Боге, Церкви и вере был невозможен. Как и его герой, Василий Макарович сильно загребал «против течения» (с. 54). Несомненно, им двигало стремление обойти жесткие ограничения советской цензуры, изобрести приемы, которые пусть в зашифрованном виде, но позволят проявить свою позицию.

Мастер в рассказе не один. Так названы безымянный строитель талицкой церкви и главный герой, «непревзойденный столяр» Семка Рысь с его «золотыми руками». «Он мог такой шкаф “изладить”, что у людей глаза разбегались. Приезжали издалека, просили сделать, платили большие деньги» (с. 42). «Вот скажи мне сейчас: разрешаем вам отремонтировать талицкую церковь. Назовите, кому вы поручаете это сделать. Я, не моргнув глазом, называю: Семен Рысь, столяр из Чебровки» (с. 49), – говорит митрополит, сразу оценивший способности нежданного гостя. Третьим мастером в рассказе подразумевается автор-повествователь / сам Шукшин. (Данный факт необходимо учитывать при поиске единства в характери-

---

<sup>5</sup> Попытка указать и интерпретировать основные разночтения впервые даны в комментарии к рассказу в барнаульском восьмитомнике (см.: [Шукшин, 2009б, с. 389–392]).

стиках мастера-строителя и Семки Рыся, а также в высказываниях, определяющих позицию автора.) Очевидно, что запаса таланта, жизнестроительной силы Семки хватило бы не только на столярное ремесло, но на неизмеримо большее, доведись ему приложить руки к делам значительным, масштабным, да еще и выучиться. «Когда Семка жил у писателя (которому отделявал квартиру под XVI век. – В. В.), в городе, он не пил, читал разные книги про старину, рассматривал старые иконы, прялки...» (с. 43). Шукшин выучился, Семка Рысь нет, – в частности, в этом разность.

Что нового добавляет автор в «Мастере» к сказанному в других произведениях? В рассказе речь идет не о разрушении, а о попытке восстановления церкви, о герое, который попытался пройти, осилить «дорогу к Храму». Интерес к красоте и тайне талицкой церкви наполняет жизнь мастера новым значительным смыслом. Начальная формула – «жил-был <...> некто» – возводит рассказ в разряд притчи, о том и повествующей: *что это за дорога, какие на ней встречаются препятствия и можно ли их преодолеть*. Чтобы в этом разобраться, необходимо в том числе рассмотреть сюжетную схему рассказа.

В версии ЛК о Семке сказано, что он «крепко пьет» [Шукшин, 1971а, с. 77]. На вопрос безымянных жителей Чебровки «Зачем же, Семка?» он отвечает: *«Затем, што так – хоть какой-то смысл есть»* (здесь и далее курсив в цитатах мой. – В. В.). Автор находит нужным заметить, что «пьяным безобразен он не бывал, не оскорблял жену – просто не замечал ее»<sup>6</sup>. Чебровцы «страшают» героя: ««Погоди, Семка, на запой наладишься <...> Они все так, *запойники-то*: месяц не пьет, два, три, а потом всё до нитки с себя спускает. Дождешься». – “Ну, так, ладно, – рассуждал Семка, – я пью, вы – нет. Што вы такого особенного сделали, што вам честь и хвала? Работаю я наравне с вами, дети у меня обуты-одеты, я не ворую, как некоторые...”» [Там же].

Во второй версии (СО) приведенного текста нет. Сказано только: «Он всю зарплату отдавал семье. *Выпивал* только на то, что зарабатывал слева» [Шукшин, 1971б, с. 11]. В заключительном варианте (X) все означенные фрагменты из ЛК восстановлены, к тому же внесены уточнения и допол-

---

<sup>6</sup> В шукшинском мире (исключения редки) творчество, талант, познание и поиск смысла отданы мужчине. Жена не понимает интересов мужа, далека от его внутреннего мира, – действительно, занятого и значительного. В этом часто кроется причина разлада в шукшинских семейных историях.

нения. Вместо «он крепко пьет» стало «*временами он крепко пьет*». Очевидно, что Шукшин уточнил деталь, свойственную типу поведения «запойного». Новый существенный смысл вносят слова от автора и дополнения в диалоге (полилоге) героя с чебровцами: «Правда, полтора года в рот не брал, потом заскучал и снова стал поддавать. – “Зачем же Семка?” – спрашивали. “Затем, что так – хоть какой-то смысл есть. Я вот нарежусь, так? И неделю хожу – вроде виноватый перед вами. Меня не тянет как-нибудь насолить вам, я тогда лучше про вас про всех думаю. Думаю, что вы лучше меня. А вот не пил полтора года, так посмотрелся на вас... Тьфу!”» (с. 42).

Необходимо особо отметить это весьма небрежительное отношение мастера-«забуддыги» к незримым, в унисон поучающим его трезвенникам. В данной позиции автор также близок к своему герою. Если говорить о теме отношения народа к уничтожению церкви в произведениях писателя, то собирательный образ сельских жителей в рассказе «Мастер» контрастирует с подобным же и в повествовании о Яше Горячем, и о Николае Шурыгине. Не стоит идеализировать отношение позднего Шукшина к русскому народу. Оно менялось и чем дальше, тем больше становилось негативным. В интервью, взятом у Василия Макаровича В. И. Фоминым, есть такое признание: «Но время идет. Много переменялось и меняется в жизни прямо на глазах. У меня самого накапливаются какие-то новые впечатления, совсем другой жизненный опыт. Сравниваю свои первые вещи с теперешними и сам замечаю: вместо лирики, теплоты, мягкого, беззлобного юмора по отношению к герою накапливается нечто иное. Всё чаще в строку просится ирония, подчас горькая и весьма ядовитая. Идет внутреннее борение самого с собой: не могу забыть войны и того, каким виделись тогда люди, а с другой стороны, *сегодняшний мой опыт* заставляет подчас смотреть на своих современных персонажей *куда как построже*... Порой это противоречие между тем, что было, и тем, что стало, меня просто разрывает. Такое ощущение, что народ наш *сегодня просто на карачки опустился*...» [Василий Шукшин..., 2009, с. 209] (ср.: [Фомин, 2014, с. 377–378]). Ср.: В. И. Фомин в интервью: Шукшин «начал рассказывать, и вдруг раскрылся, распахнулся, как вулкан. Говорит – “Калина красная” для меня – это история распадающейся России. У меня было две России на памяти. Первая – послевоенная, когда народ в полный рост стоял. *И нынешняя – когда на карачки опустился*. Эти слова я больше не встречал ни в одном его интервью» [Прудников, 2017]. Трудно не согласиться с данными размышлениями Василия Макаровича того времени.

Итак, мотивы пьянства и диалоги Семки с земляками появляются уже в первом варианте (ЛК), но наиболее полную разработку они получили в третьем (Х). В нем названа причина того, почему после полутора лет воздержания герой опять запил – «заскучал»<sup>7</sup>.

Семка не просто пьяница, он запойный. Запой – периодически возникающая непреодолимая тяга к употреблению больших доз спиртного, часто в течение длительного времени. Это весьма тяжелая зависимость, грозящая человеку деградацией и преждевременной смертью. Фактически запой – одна из форм разрушительного, суицидального поведения.

Запойное пьянство – еще одна черта, сближающая героя с Шукшиным. «Я со своей драмой питья – это ответ: нужна ли была коллективизация? Я – ВЫРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА» [Шукшин, 2009в, с. 289] (выделено в оригинале. – В. В.) – данная запись относится к 1966 г.<sup>8</sup> Драма питья автора и его героя существует в едином социально-политическом контексте! Согласно логике данного высказывания напрашивается дополнение: нужна ли была антирелигиозная политика, уничтожение храмов?

Итак, запой в шукшинском контексте возникает из-за потери смысла жизни. То же балагурство Семки Рыся сродни пустословию. «Ему, как он говорит, “остолбенело всё на свете”, и он транжирит свои “лошадиные силы” на что угодно: поорать, позубоскалить, нашкодить где-нибудь, –

<sup>7</sup> Продолжая тему больного сплином, скучающего и тоскующего «лишнего человека», И. С. Тургенев создает свои версии этого типа, в том числе и героя, который не тоскует, но убежден, что без вина жить нельзя. Это герой повести «Затишье» Петр Алексеевич Веретьев. «Он <...> сам очень хорошо сознавал *свою совершенную и коренную бесполезность*», – таков итог осмысления пьяницей «даром, нелепо, пошло» [Тургенев, 1980, с. 450, 449] прожитой жизни. Открытие И. С. Тургеневым версии психотипа «лишнего» – пьяницы (литературоведение прошло мимо него) оказалось чревато появлением множества последующих подобных литературных персонажей и вообще объяснением «психологии пьянства» в так называемое Новейшее время – время «прогресса» и избавления от «предрассудков». Тема эта обескураживающе обширна и злободневна. Если оставаться в рамках заявленной литературной аналитики, то образ Семки Рыся по-своему, но вполне в нее вписывается.

<sup>8</sup> Л. Д. Ягункова в 1970 г. писала о репутации Шукшина в творческой среде: «И потом он пьет. Ох, как пьет! После такого “напутствия” я совсем не рвалась к Шукшину» [Ягункова, 2009, с. 10]. О выпивках Шукшина рассказано и написано много. Пить он бросил через полгода после рождения дочери Маши (род. 27.05.1967). О том, как загулявший муж забыл коляску с Машей у пивнушки, Л. Н. Федосеева-Шукшина, в частности, поведала в документальном фильме «Мария Шукшина. Расскажите мне о моем отце».

милое дело» (с. 42). Это тоже не-деятельность, пустота, взамен отсутствия, невозможности деятельности как подлинного, осмысленного, насыщено необходимого человеку – самореализации.

В первую очередь писатель акцентирует мотив красоты *молчащей* талицкой церкви. «Тишина и покой кругом. Тихо в деревне. И стоит в зелени белая красавица – столько лет стоит! – молчит <...> Кому на радость? Давно уж истлели в земле строители ее, давно стала прахом та умная голова, что задумала ее такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли. О чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величил или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норовит поближе к большим дорогам или вовсе – на людную городскую площадь – там заметят. Этого заботило что-то другое – красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа. Милый, дорогой человек!.. Не знаешь, что и сказать тебе – туда, в твою черную жуткую тьму небытия, – не услышишь» (с. 44). Если говорить об эмоционально-оценочной окраске данного высказывания о мастере, задумавшем талицкую церковь, то она в высшей степени положительная. Очевидна ментальная слиянность автора-повествователя, мастера и Семки Рыся (поскольку это вроде бы и его высказывание. Замечу, что подобная слиянность в принципе невозможна с обитателями облисполкома). И далее: «Да и что тут скажешь? Ну – хорошо, *красиво*, волнует, радует... *Разве в этом дело?*» (с. 44).

В данном отрывке сформулирован вопрос: «кому на радость» молчащая церковь? Ответ, пусть не прямо, но дан в тексте – советской власти: талицкая церковь онемела, «перестала действовать в тысяча девятьсот двадцать пятом году» (с. 53). Однажды Шукшин попытался объяснить причину онемения Церкви средствами киноязыка. В киноновелле, снятой по рассказу «Думы» (заключительная часть фильма «Странные люди», 1969), несколько раз возникает образ храма. Первый – в начале видом на церковь завершается панорама. По дороге к ней идет поющая под гармонь компания. Второй раз на изображении церкви звучит не колокольный звон, а бой... московских курантов! Это и есть исходная ситуация переворачивания и подмены. «Новая странность: в деревеньке вроде бы действующая исправная церковь, с крестами на куполах, но звуковой фон – не колокольный звон, а мелодия кремлевских курантов, которая на фоне крестов звучит вполне зловеще. В русской деревне восторжествовали лжецерковь и лжерелигия», – пишет протоиерей Сергей Фисун [2012, с. 142]. «Тишина



и покой кругом. Тихо в деревне» не потому, что в мире воцарилась какая-то небывалая доселе гармония, а потому, что «стоит в зелени белая красавица – столько лет стоит! – молчит», заглушенная боем главных часов, символизирующих время власти коммунистов. Образ талицкой церкви напоминает могильный памятник в зелени венков, а покой – смерть. Еще остается слабый ее голос, – говорящий на языке красоты, света, обещания радости. Единственный, кто его услышал, – Семка Рысь.

Все указанные мотивы – молчащей сказочной красоты, света и *подлинной* радости, праздничности<sup>9</sup> – неразрывно связаны между собой. Семка «и сам радовался, и волновался, и понимал, что – красиво» (с. 44).

Если рассматривать мотив красоты как доминантный, то напрашивается примерно такая формулировка: в разрабатываемой теме автора преимущественно интересует не вера и не христианская этика, а эстетика храма. Тем более, Семка заявляет прямо: «Красавица необыкновенная! Если бы ее отремонтировать, она бы... Не молиться, нет! Она ценная не с религиозной точки» (с. 51). Или: «Да не надо в ней молиться! Есть же всякие музеи...» (с. 49). Не стоит доверять этой транспарантно провозглашенной оппозиции: (музейная) красота – вера, молитва. Глубинные смыслы рассказа не поддерживают ее. Первая фраза, обращенная к председателю облисполкома, не принадлежит Семке, он лишь повторяет то, что подсказал ему для пользы дела митрополит: «Напишите миром бумагу: так, мол, и так – есть в Талице церковь в запустении. Нам она представляется ценной не с точки зрения религии...» (с. 49).

Не только красота храма вызывает интерес мастера Семки Рыся, зажигает в нем мечту его реставрировать. Размышления героя весьма многоплановы и неоднозначны. (Повторюсь: очень важно, что они слиты с раздумьями повествователя, выражают единую позицию.) По приведенным ранее цитатам видно, что проблематика этого «зашифрованного», включенного в большой шукшинский контекст рассказа неизмеримо сложнее. Задаются мнимые вопросы. «Разве в этом дело?». Иначе говоря, дело не в этом, не в красоте! А в чем? Ответ по умолчанию, и он единственный: в вере и молитве. Стоит обратить внимание и на рассуждения о том, чего хотел «неведомый мастер»: «Бога ли он величил или себя хотел показать?»

---

<sup>9</sup> «В каждом рассказе, в каждой статье Шукшина есть присутствие, ощущение, ожидание “праздника жизни” и вместе с тем горькая досада, раздражение, злой сарказм, по поводу того, что людям не дают радоваться, что люди не умеют радоваться и забывают радоваться» [Козлова, 1999, с. 48].

Вопрос нелепый. Насколько тонко Шукшин чувствовал движения человеческой души, настолько глубоко он понимал и законы культуры. Он просто не мог утверждать, что кто-то берется строить Храм с целью себя показать. Единственный ответ – Храм строится (и реставрируется!) для того, чтобы Бога величить.

Существенную роль в «Мастере», как было сказано, играют аллюзии и отсылки к ранее написанным, а также параллельно пишущимся произведениям. Шокирующе заканчиваются рассуждения о красоте церкви: «Что же?.. Ничего. Умеешь радоваться – радуйся, умеешь радовать – радуй... Не умеешь – воюй, командуй или что-нибудь такое делай – можно разрушить вот эту сказку: подложить пару килограммов динамита – дробользнет, и все дела. Каждому свое» (с. 44). Это не просто параллель к топосу разрушения церкви в «Любавиных», «Заревом дожде» и «Крепком мужике»<sup>10</sup>. В данном случае «каждому свое» – это не формула, воплощавшая со времен античности принцип справедливости, но человеконенавистнический лозунг – «Jedem das Seine», надпись на главных воротах нацистского

---

<sup>10</sup> Высказывание о динамите служит А. И. Куляпину основанием для установления двойничества между Семкой Рысем и Николаем Шурыгиным. «Жизнь Семки проходит в чередовании периодов деструктивных и созидательных. Даже его планы относительно талицкой церкви антиномичны: (цитируется высказывание. – В. В.). В одной из своих ипостасей Семка – двойник разрушителя храма XVII века Николая Шурыгина из рассказа “Крепкий мужик”» [Куляпин, 2003, с. 50]. См. то же самое в статье: [Куляпин, 2014, с. 146]. Тезис прописан и в книге: [Мансков и др., 2017, с. 131]. Ср.: «С исчерпывающей полнотой шукшинская семиотика церкви развернута в рассказах “Крепкий мужик” (1970) и “Мастер” (1971) – текстах, взаимодополняющих и взаимопроясняющих друг друга. О тесной связи двух рассказов свидетельствует хотя бы намеченная Шукшиным возможность сведения к единому инварианту противоположных стратегий поведения героев. Разрушитель храма Николай Шурыгин и Семка Рысь, мечтающий о восстановлении “светлой каменной сказки”, безусловно, не только противопоставлены, но и сопоставлены. В рассказе “Мастер” присутствует в свернутом виде сюжет “Крепкого мужика”» [Дмитриева и др., 2014, с. 169].

На мой взгляд, тезис о двойничестве Семки Рыся с разрушителем церкви Николаем Шурыгиным не соответствует семантике рассказа «Мастер». Планы Семки относительно талицкой церкви представляются однозначными: он не разрушитель, а мастер, желающий ее восстановить. Противостояние героев дано и на уровне имен: Семен – Шурыга. «Полная форма имени – Семён происходит от древнеиуд. Симеон, т. е. “слушающий”, “услышанный Богом”» [Мансков и др., 2017, с. 130]. Шурыга – «непутный человек, негодай, ёра, мошенник» [Даль, 1991, с. 649].

лагеря смерти Бухенвальд. Уверить себя в том, что выражение случайно вкралось в повествование, что оно ничего не значит, совершенно не удастся. (В Германии его публичное использование и сегодня может вызвать скандал и протесты.) В послевоенных советских культурных текстах это выражение табуировано, а потому у Шукшина оно тоже не встречается. Единственное исключение – приведенный внутренний монолог Семки Рыся. Стоит вспомнить слова писателя о «намёках» и «полусловах», которые не вырвались у него просто так и которые надо возводить на уровень главной мысли. Например, если вдуматься в сказанное учителем о разрушенной Шурыгиным церкви в радикальной версии рассказа «Крепкий мужик»<sup>11</sup>: «*ее враги не тронули*» и в последующую фразу автора: «*земля вздрогнула, как от снаряда, всё заволочло пылью*» [Шукшин, 1973а, с. 180], то в них тоже обнаруживается не просто сильный, но шокирующий смысл: советская власть ведет боевые действия против народа и его святынь! Конечно же, не какие-то два частных человека, бригадир Шурыгин и одобрявший его поступок председатель, выступают в качестве персонажей, осуждаемых писателем, а деяния власти в их лице представлены как явление более страшное, чем нашествие внешнего врага. Враги не тронули, а вы хуже врагов: тронули, разрушили! В таком контексте по-особому читаются и строки: «она хоть небольшая, церковка, а оживляла деревню (*некогда сельцо*)» [Там же, с. 77]. Те же смыслы в диалоге митрополита и Семки: «Сколько дворов в Талице? Это уже я спрашиваю... – Да в Талице-то *мало...*» (с. 49); «В Талице *от двадцати дворов осталось восемь*» [Шукшин, 1971б, с. 11] (СО). Все криминальные фразы, собранные воедино, означают, что современная Россия, деревня – в войне власти с народом – существуют на убыль. Показательны воспоминания А. Д. Заболоцкого: «Вскоре после смерти Шукшина Бурков мне рассказывал (а потом и записал в своих воспоминаниях), что в Вешенской во время застолья у М. А. Шолохова, когда слово досталось Шукшину, он с ходу “расшифровался” – мол, много говорим о русском характере, а народ *вымирает*, пора искать путь русского единства. Слово в пустоту упало. Сник...» [Заболоцкий, 1997, с. 181].

И разве не был бы Шукшин отнесен не просто к критикам «отдельных недостатков» и «отрицательных сторон» советской действительности,

---

<sup>11</sup> В восьмитомнике опять же опубликована «нейтральная» версия из сборника «Беседы при ясной луне», однако указаны разночтения версий (см.: [Шукшин, 2009а, с. 369–370]).

а к злым антисоветчикам, предателям, вырази он свои мысли прямо, без «смещения акцентов»? Высказав мысль в зашифрованном виде, Василий Макарович тут же спешит снять с себя возможные обвинения тем, что его герой, как говорится, в пользу советской власти осуждает митрополита. В сущности, по отношению к «попам» автор обыгрывает устойчивые культурные штампы, выражающие типичные разговоры обывателей (сегодняшних тоже). «Семка, когда уходил от митрополита, отметил, что живет митрополит – дай Бог! Домина – комнат, наверно, из восьми. Во дворе “Волга” стоит. Это неприятно удивило Семку. И он решил, что действительно лучше, пожалуй, иметь дело с родной Советской властью. Эти попы темнят чего-то...» (СО) [Шукшин, 1971б, с. 15]<sup>12</sup>. В комментарии к рассказу А. Г. Сидорова отметила, что «Семен Рысь – пожалуй, единственный шукшинский персонаж, который, скорее, искренно одобряет Советскую власть» [Шукшин, 2009б, с. 392–393]. Однако тут напрашивается весьма существенное уточнение относительно искренности. Сама же А. Г. Сидорова продолжает: «Старик Глухов “неумеренно хвалит” Советскую власть, так как побаивается “идейной” старухи Малышевой (“Бессовестные”), слепой певец Ганя говорит: “Спасибо нашей дорогой Советской власти”, когда ему назначают государственную пенсию, чтобы “не шляляся” (“В воскресенье мать-старушка...”）」 [Там же, с. 393]. Искренность Семки Рыся по отношению к советской власти сродни страху старика Глухова и отчужденности слепого певца Гани. В пассаже о «родной советской власти» видна игра конструктора-«шифровальщика» Шукшина.

Автор биографической книги о писателе в серии ЖЗЛ А. Н. Варламов воспринял слова Семки Рыся как концептуальные. С его точки зрения, герои прозы Василия Макаровича «принимают советскую власть как свою (“Лучше всего иметь дело с родной советской властью”, – совершенно искренне рассуждает герой рассказа “Мастер” Семка Рысь), другой не желают и уж точно совсем не жалеют о власти прежней, дореволюционной, как не жалел о ней и сам Василий Шукшин» [Варламов, 2015, с. 189] (ср.: [Варламов, 2016, с. 199]). Весьма досадно, что А. Н. Варламову не удалось пробиться к подлинному Шукшину. Подобные биографические труды выходят через большие промежутки времени, а потому надолго закрепляют представления о тех, кому они посвящены. Сколько же учителей, школьников и шукшиноведов будут тиражировать этот ошибочный тезис из книги биографа.

<sup>12</sup> В тексте ЛК фразы про советскую власть нет.

Важно заметить, что *продолжение размышлений о попах, которые «темнят», Шукшин перенес в рассказ «Сапожки» (1970), в сцену разговора шоферов в дежурке. «Как всегда – спорили. Видели на улице молодого попа и теперь выясняли, сколько он получает. Больше других орал Витька Кибяков, рябой, бледный, с большими печальными глазами. Даже когда он надрылся и, между прочим, оскорблял всех, глаза оставались печальными и умными, точно они смотрели на самого Витьку – безнадежно грустно.*

– Ты знаешь, что у него персональная “Волга”?! – кричал Рашпиль (Витьку звали Рашпиль). – У их, когда они еще учатся, стипендия – сто пятьдесят рублей! Понял? Сти-пен-дия!

– У них есть персональные, верно, но не у молодых. Чего ты мне будешь говорить? Персональные – у этих... как их?.. У апостолов не у апостолов, а у этих... как их?..

– Понял? У апостолов – персональные “Волги”! Во, пень дремучий. Сам ты апостол!

– Сто пятьдесят стипендия! А сколько же тогда оклад?

– А ты что, думаешь, он тебе за так будет гонениям подвергаться? На! Пятьсот рублей хотел?

– Он должен быть верующим.

Сергей не хотел вязываться в спор, хоть мог поспорить: пятьсот рублей молодому попу – это много. Но спорить сейчас об этом... Нет, Сергею охота было показать сапожки. Он достал их, стал разглядывать. Сейчас все заткнется с этим попом...» [Шукшин, 2009г, с. 150–151].

Данный разговор совершенно *не нужен для развития сюжета* о подарке для жены – дорогих сапожках, но для Шукшина он оказывается необходимым: надо договорить и внести ясность, оценить размышления Семки Рыся (которые прямо или косвенно соответствуют репликам участников спора в дежурке). Стоит заметить, что манера разговора в компании шоферов представлена в качестве обыденной («как всегда – спорили»), а его содержание вызвано вроде бы случайностью (видели на улице попа), но раскрыто оно через те же самые клише, что и размышления Семки. В эпизоде как бы случайно возникает запрещенная, криминальная тема гонений на Церковь. Василию Макаровичу было необходимо хотя бы вскользь, но сказать об этом печатно. Сцепка с «Мастером», как и в целом с авторским сюжетом «о поруганной Церкви», в данном случае совершенно очевидна. Упоминается персональная «Волга», а героя рассказа зовут

Сергей Духанин<sup>13</sup>. Шукшин начинает описание спора со сниженных, но удивительно интересных в данном контексте характеристик Витьки Кибякова-Рашпиля, имеющего манеру «оскорблять всех»! Мы понимаем, что ему всё равно о чем спорить, *но оскорбит он обязательно*. Автор явно показал, что спорщики совершенно не разбираются в иерархии служителей Церкви и вообще в том, по поводу чего они тут подняли крик. (В первой версии рассказа, опубликованной в «Литературной России» от 16 октября 1970 г., авторская ирония над «знатоками» была выражена ярче.) Итог шоферскому «базару» подводит Духанин, которого обсмеяли за дорогой подарок жене:

«– Я заработал, я и истратил, куда хотел. *Чего базарить-то зря?*

– Она тебе, наверно, резиновые велела купить?

Резиновые... Сергей всюю злился.

– Валяйте лучше про попа – сколько он, всё же, получает?

– Больше тебя.

– *Как эти... сидят, курва, чужие деньги считают.* – Сергей встал. – *Больше делать, что ли, нечего?»* [Шукшин, 2009г, с. 152].

Итог ясен: базарили работяги зря. Они вообще занимаются пустословием. От нечего делать.

Таким образом, заявив в «Мастере» крайне опасную для себя позицию защитника русской Церкви, Шукшин тут же прикрывается героем (и делает это весьма убедительно): заставляет Семку произнести фразу, которая эту позицию маскирует, делает случайной, словно и неозвученной. Всё-таки советская власть – это родная власть, и дело надо иметь с ней! Но как размышления «о попах», у которых домина в 8 комнат и «Волга», так и слова о власти – *зряшный базар*. В версии рассказа в «Литературной России» по поводу манеры Рашпиля «орать» отпущена реплика: «У него столб под крышей – сродный брат попу» [Шукшин, 1970, с. 12]. В жанровом отношении это «небылица», нелепица. Ее функция – возведение в разряд абсурда того, что говорит человек. *Такова оценка автора*. Потому и слова Семки о советской власти тоже «зряшный базар», абсурд, они нужны Шукшину для *подстраховки, исключительно «для редактора-цензора»*.

---

<sup>13</sup> Сцепления с Васькой Духаниным отсутствуют. В данном рассказе образ героя выполнен в положительном ключе. Причина того, что он делает неожиданный дорогой подарок жене Клаве, – «*Жалость. Любовь, слегка забытая*» [Шукшин, 2009г., с. 153].

Шукшин поначалу даже не рискует публиковать «Сапожки», «Крепкого мужика» и «Мастера» вместе. Об издании первого рассказа в «Литературной России» было сказано. Второй он отдает в «Новый мир» (1970, № 7), а третий, как мы знаем, – в «Литературный Киргизстан». Наиболее криминальные строки в «Крепком мужике» (о врагах и снаряде, а также о председателе тоже как о «крепком мужике») появляются во втором варианте – в сборнике «Характеры». Стоит полагать, после того, как Шукшин убедился, что «Крепкого мужика» пропустили и он, как говорится, пошел, можно высказаться и острее. Что касается «Мастера», то, публикуя второй вариант в России, в новосибирском журнале «Сибирские огни», Шукшин на всякий случай вставляет в него пассаж о «родной Советской власти», нивелирует тему пьянства Семки и добавляет критики, направленной против «попов». В сборнике «Характеры» Шукшин заменяет «действительно лучше всего иметь дело с родной Советской властью» на нейтральное «действительно лучше, пожалуй, иметь дело с властями» (с. 50)<sup>14</sup>. Зачем? Наверное, потому что уже подстраховался...

Конечно, чтобы сделать безупречные выводы, нужно знать причины изменений текста до мелочей – где инициатива переработки исходила от автора, а в чем сказались требования редакторов. Но это знал только Шукшин. Тем не менее, работа над каждым вариантом «Мастера» похожа на собирание инженерной конструкции: разные блоки то вынимаются из него, то добавляются. Один из блоков вообще вставлен в другой рассказ, в «Сапожки». Причем, в такой версии, которая, как мы видели, нивелирует негативные размышления героя о попах и фразу о советской власти. Конструкция «Мастера» соотнесена еще и со смыслами жизнеописаний героев – разрушителей Церкви. Совершенно ясно, что эта «игра» вызвана желанием во что бы то ни стало обойти цензурные препоны и заявить свою позицию, но в то же время сделать это так, чтобы тебя не расшифровали.

Подводя итог, нужно сказать, что для Семки «дорога к Храму» – это дорога от опасной болезни, от кабака, к исцелению, от молчания и празднословия к молитве, от никчемной растраты «лошадиных сил» к делу, от скуки, бессмыслицы и безрадостности (советского!) бытия к смыслу и радости, от суицидальности к жизнестроительству. Собственно, от небытия к бытию.

---

<sup>14</sup> См. также текстологический комментарий: [Шукшин, 2009б, с. 389–390].

И хотя Семка «сильно загребал против течения», пройти «дорогу к Храму» ему не удалось. Поворотная точка на пути определена как раз встречей с представителями «родной советской власти» (!) – председателем облисполкома и специалистами по памятникам архитектуры, в том числе московскими. «По-моему, они вам втерли очки, эти ваши специалисты. Я буду писать в Москву», – говорит возмущенный Семка Игорю Александровичу. «Так это и есть ответ из Москвы» (с. 54), – отвечает специалист по культуре. Абсолютно нет смысла писать куда бы то ни было о том, что талицкая церковь – «гордость русского народа, а на нее все махнули рукой. А отремонтировать, она будет стоять еще триста лет и радовать глаз и душу» (с. 51). Сказанное относится и к эпизоду в рассказе «Крепкий мужик», в котором учитель собирался писать в защиту церкви. Ясно, какой ответ он получил бы.

Как мы видим, в рассматриваемом сюжете Шукшин выходит из пространства деревни, где командуют председатели и бригадиры; он указывает на новые социальные адреса власти, принимающей решения по обустройству «нового мира» без Храма: на областные исполкомы и на Москву!

Семке остается отвернуться от молчащей церкви и слиться с безличкой, молчащей массой: с теми, кто *ничего особенного в жизни не сделал* – точнее, кому не дали сделать, осуществить, реализовать себя – прожить свою жизнь в согласии с душой, в соответствии с данным тебе талантом!

Используя безличный глагол, Шукшин подчеркивает действие отчужденной от героя силы, развернувшей его лицом к кабаку. От облисполкома Семку «вынесло к ларьку. Он взял <...> “полкилограмма” водки, тут же осаденил» (с. 54). «С тех пор он про талицкую церковь не заикался, никогда не ходил к ней, а если случалось ехать талицкой дорогой, он у косогра поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, зло курил и молчал» (с. 55). Герой прошел не путь (к цели), а круг – символ безвыходности из советского небытия. Таково сюжетное решение, резко противоречащее тезису об искреннем принятии советской власти<sup>15</sup>. Имен-

<sup>15</sup> «Шукшин последовательно дискредитирует всех духовных пастырей русского народа»; «Ничем, кроме общих слов сочувствия, не помогает Семке и официальная церковь. Шукшинские образы священников легко свести к единому инварианту. В рассказах “Мастер” и “Верую!”, в романе “Я пришел дать вам волю” писателя привлекает почти оксюморонное сочетание материально-телесного и духовного начал. Семку “неприятно удивило”, что “живет митрополит – дай бог! Домина – комнат,



но власть не дала Семке осуществить звание Мастера, вернула его в позицию «запойного-лишнего», превратила его талант в «совершенную и коренную бесполезность» (И. С. Тургенев). В этом отношении название рассказа провокативно: какой же он Мастер, если его золотые руки никому не нужны, если ему эти руки, как говорится, отбили?

Семка Рысь (С. Р.) еще и двойник Степана Разина. Исследователями это было многократно отмечено. Он «совсем не богатырь на вид. Но вот Семка снимает рубаху, остается в одной майке, выгоревшей на солнце... И тогда-то, когда он, поигрывая топориком, весело лает с бригадиром<sup>16</sup>, тогда-то видна *вся устрашающая сила и мощь Семки*. Она – в руках... Руки у Семки не комкастые, не бугристые, они – ровные от плеча до кисти, толстые, словно литые. Красивые руки. Топорик в них – игрушечный» (с. 41). Образ Разина представлен у Шукшина в различных контекстах. Полагаю, что в «Мастере» для автора не актуальна ассоциация с ним как с разрушителем храма. В контексте рассказа в ней прежде всего *выражен знак бунта. Против кого? Против той же «родной советской власти»*.

#### Список литературы

Аннинский Л., Федосеева-Шукшина Л. Комментарии // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 6 т. М., 1992. Т. 2. С. 547–555.

Василий Шукшин: Жизнь в кино: Сб. док. Барнаул, 2009. 350 с.

---

наверно, из восьми... Во дворе “Волга” стоит <...> И он решил, что действительно лучше, пожалуй, иметь дело с властями. Эти попы темнят чего-то... И хочется им, и колетя, и мамка не велит», – пишет А. И. Куляпин [2003, с. 50]. См. те же положения: [Куляпин, 2014, с. 145; Дмитриева и др., 2014, с. 186; Мансков и др., 2017, с. 139, 137]. То, что в «Мастере» дискредитированы «пастыри», представляющие советскую власть, сомневаться не приходится. Однако, надеюсь, мне удалось показать, что смыслы рассказа не позволяют приравнять к ним представителей «официальной церкви». Священники сами изображены вполне беспомощными перед силой государственной власти. «Не разрешат мне ее отремонтировать, вот какое дело, сын мой. Грустное дело <...> Какая же это будет борьба с религией, если они начнут новые приходы открывать? Ты подумай-ка» (с. 49), – объясняет Семке митрополит. В данном случае Шукшин просто воспроизводит историческую реальность.

<sup>16</sup> Е. А. Московкина видит в бригадире «героя-антагониста» Семки, Шурыгина (см.: [Московкина, 2023, с. 34]).

*Васильев В. К.* К проблеме выявления авторского шифра в произведениях В. М. Шукшина // *Критика и семиотика*. 2020. № 2. С. 364–379. DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-364-379

*Васильев В. К.* Зашифрованные смыслы в произведениях В. М. Шукшина // *Критика и семиотика*. 2023. № 2. С. 387–415. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-387-415

*Варламов А.* Шукшин. М., 2015. 399 с.

*Варламов А.* Василий Шукшин. Барнаул, 2016. 488 с.

*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1991. Т. 4. 683 с.

*Дмитриева Л. М., Куляпин А. И., Халина Н. В.* Семиотика русского мира в культуре трансграничного региона: Монография. Барнаул, 2014. 229 с.

*Заболоцкий А.* Шукшин в кадре и за кадром. Б. м., 1997. 256 с.

*Козлова С. М.* «Воля» и «праздник» в творчестве Шукшина // *Творчество В. М. Шукшина в современном мире*. Барнаул, 1999. С. 46–52.

*Куляпин А. И.* «Круги руин»: русская история в рассказе В. М. Шукшина «Мастер» // *Сибирский филологический журнал*. 2003. № 3–4. С. 48–51.

*Куляпин А. И.* Пространство власти в произведениях В. М. Шукшина // *Литературная учеба*. 2014. № 4. С. 141–146.

*Мансков С. А., Балакина Е. И., Богумил Т. А., Вальбрит Л. К., Куляпин А. И., Шелковников А. Ю., Шелковникова Л. Ф.* Литература Алтая: Учеб. пособие для учителя. Барнаул, 2017. 326 с.

*Московкина Е. А.* Образ церкви и архитектурный экфрасис в рассказах В. М. Шукшина // *Филология и человек*. 2023. № 3. С. 32–48.

*Прудников А.* Две России Шукшина. О чем не говорил режиссер и писатель в своих интервью // *Аргументы и факты*. 2017. 25 июля. URL: [https://spb.aif.ru/culture/person/dve\\_rossii\\_shukshina\\_o\\_chyom\\_ne\\_govoril\\_rezh\\_hisssyor\\_i\\_pisatel\\_v\\_svoih\\_intervyu](https://spb.aif.ru/culture/person/dve_rossii_shukshina_o_chyom_ne_govoril_rezh_hisssyor_i_pisatel_v_svoih_intervyu) (дата обращения 17.02.2024).

*Тургенев И. С.* Затишье // *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.:* В 12 т. М., 1980. Т. 4. С. 380–451.

*Фисун С.* О духовных исканиях В. М. Шукшина // *В. М. Шукшин и православие*. Сб. ст. о творчестве В. М. Шукшина. М., 2012. С. 128–147.

*Фомин В.* Пересечение параллельных – 2. М., 2014. 679 с.

*Шукшин В. М.* Сапожки, Петя // *Литературная Россия*. 1970. № 42, 16 окт. С. 12–13.

*Шукшин В.* Мастер // *Литературный Киргизстан*. Фрунзе, 1971а. № 4. С. 77–85.

*Шукшин В.* Мастер // *Сибирские огни*. 1971б. № 12. С. 11–17.

Шукшин В. М. Крепкий мужик // Шукшин В. М. Характеры. Рассказы. М., 1973а. С. 177–185.

Шукшин В. М. Мастер // Шукшин В. М. Характеры. Рассказы. М., 1973б. С. 41–55.

Шукшин В. М. Крепкий мужик // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009а. Т. 5. С. 85–90; Комментарии. С. 368–370.

Шукшин В. М. Мастер // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009б. Т. 5. С. 155–170; Комментарии. С. 389–393.

Шукшин В. М. Рабочие записи // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009в. Т. 8. С. 278–293.

Шукшин В. М. Сапожки // Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009г. Т. 5. С. 148–154.

Ягункова Л. Василий Шукшин. Земной праведник. М., 2009. 320 с.

#### References

Anninsky L., Fedoseeva-Shukshina L. Kommentarii. In: Shukshin V. M. Collected works. In 6 vols. Moscow, 1992, vol. 2, pp. 547–555. (in Russ.)

Dal V. Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. Moscow, 1991, vol. 4, 683 p. (in Russ.)

Dmitrieva L. M., Kulyapin A. I., Khalina N. V. Semiotika russkogo mira v kul'ture transgranichnogo regiona [Semiotics of the Russian World in the culture of a cross-border region]. Monograph. Barnaul, 2014, 229 p. (in Russ.)

Fisun S. O dukhovnykh iskaniyakh V. M. Shukshina [On the spiritual quest of V. M. Shukshin]. In: V. M. Shukshin i pravoslavie. Sb. st. o tvorchestve V. M. Shukshina [V. M. Shukshin and Orthodoxy. Collection of articles about the work of V. M. Shukshin]. Moscow, 2012, pp. 128–147. (in Russ.)

Fomin V. Peresechenie parallel'nykh – 2 [The intersection of parallel – 2]. Moscow, 2014, 679 p. (in Russ.)

Kozlova S. M. “Volya” i “prazdnik” v tvorchestve Shukshina [“Volya” and “holiday” in the works of Shukshin]. In: Tvorchestvo V. M. Shukshina v sovremennoĭ mire [Creativity of V. M. Shukshin in the modern world]. Barnaul, 1999, pp. 46–52. (in Russ.)

Kulyapin A. I. “Krug i ruiny”: russkaya istoriya v rasskaze V. M. Shukshina “Master” [“Circles of Ruins”: Russian history in the short story by V. M. Shukshin “The Master”]. *Siberian Journal of Philology*, 2003, no. 3–4, pp. 48–51. (in Russ.)

Kulyapin A. I. Prostranstvo vlasti v proizvedeniyakh V. M. Shukshina [The space of power in the works of V. M. Shukshin]. *Literaturnaya ucheba* [*Literary Studies*], 2014, no. 4, pp. 141–146. (in Russ.)

Manskov S. A., Balakina E. I., Bogumil T. A., Valbrit L. K., Kulyapin A. I., Shelkovnikov A. Yu., Shelkovnikova L. F. Literatura Altaya [Literature of Altai]. Study guide for teachers. Barnaul, 2017, 326 p. (in Russ.)

Moskovkina E. A. Obraz tserkvi i arkhitekturnyy ekfrasis v rasskazakh V. M. Shukshina [The image of the Church and architectural ecphrasis in the stories of V. M. Shukshin]. *Filologiya i chelovek* [*Philology and Man*], 2023, no. 3, pp. 32–48. (in Russ.)

Prudnikov A. Dve Rossii Shukshina. O chem ne govoril rezhisser i pisatel' v svoikh interv'yuu [Two of Shukshin's Russia. What the director and writer did not talk about in their interviews]. *Argumenty i fakty* [*Arguments and Facts*], 2017, July 25. (in Russ.) URL: [https://spb.aif.ru/culture/person/dve\\_rossii\\_shukshina\\_o\\_chyom\\_ne\\_govoril\\_rezhissyor\\_i\\_pisatel\\_v\\_svoih\\_intervyu](https://spb.aif.ru/culture/person/dve_rossii_shukshina_o_chyom_ne_govoril_rezhissyor_i_pisatel_v_svoih_intervyu) (accessed 17.02.2024).

Shukshin V. M. Krepkii muzhik [A strong man]. In: Shukshin V. M. *Kharaktery. Rasskazy* [Characters. Short stories]. Moscow, 1973, pp. 177–185. (in Russ.)

Shukshin V. M. Krepkii muzhik [A strong man]. In: Shukshin V. M. *Collected works*. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 5, pp. 85–90; Comment., pp. 368–370. (in Russ.)

Shukshin V. M. Master. *Literaturnyi Kirgizstan* [*Literary Kyrgyzstan*]. 1971, no. 4, pp. 77–85. (in Russ.)

Shukshin V. Master. *Sibirskie ogni* [*Siberian Lights*], 1971, no. 12, pp. 11–17. (in Russ.)

Shukshin V. M. Master. In: Shukshin V. M. *Collected works*. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 5, pp. 155–170; Comment., pp. 389–393. (in Russ.)

Shukshin V. M. Rabochie zapisi [Working notes]. In: Shukshin V. M. *Collected works*. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 8, pp. 278–293. (in Russ.)

Shukshin V. M. Sapozhki, Petya [Sapozhki, Petya]. *Literaturnaya Rossiya* [*Literary Russia*], 1970, no. 42, October 16, pp. 12–13. (in Russ.)

Shukshin V. M. Sapozhki. In: Shukshin V. M. *Collected works*. In 8 vols. Barnaul, 2009, vol. 5, pp. 148–154. (in Russ.)

Turgenev I. S. Zatish'e [Lull]. In: Turgenev I. S. *Complete collection of works and letters*. In 30 vols. Works. In 12 vols. Moscow, 1980, vol. 4, pp. 380–451. (in Russ.)

Varlamov A. Shukshin. Moscow, 2015, 399 p. (in Russ.)

- Varlamov A. Vasily Shukshin. Barnaul, 2016, 488 p. (in Russ.)
- Vasiliev V. K. About the Problem of Exposure of Author's Coding Methods in Works of V. M. Shukshin. *Critique and Semiotics*, 2020, no. 2, pp. 364–379. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2020-2-364-379
- Vasiliev V. K. Encrypted Meanings in the Works of V. M. Shukshin. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 2, pp. 387–415. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-387-415
- Vasily Shukshin: Zhizn' v kino. Sb. dokumentov [Vasily Shukshin: Life in the cinema. Collection of documents]. Barnaul, 2009. 350 p. (in Russ.)
- Yagunkova L. Vasily Shukshin. Zemnoy pravednik [Vasily Shukshin. The earthly righteous]. Moscow, 2009, 320 p. (in Russ.)
- Zabolotskiy A. Shukshin v kadre i za kadrom [Shukshin in the frame and behind the scenes]. 1997, 256 p. (in Russ.)

### Информация об авторе

*Владимир Кириллович Васильев*, кандидат филологических наук

### Information about the Author

*Vladimir K. Vasiliev*, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 20.02.2024;  
одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024  
The article was submitted on 20.02.2024;  
approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024*